

Автор - Автор - Олег Сешко, Витебск (Беларусь).

ТРОЕ

Трое

В начале света под старой вежей
Сидели трое, друг другу внемля.
Делили на три слова и земли,
Глотали воду и воздух свежий.
Поодаль копыя точил Георгий,
Поил дракона вином плодовым.
Тащили бабы мужей в подолах -
Сгодятся после для месс и оргий.
Направо, к лесу, стекали жизни
Туда, где правда сильнее смерти.
Дрожало в небе отцово сердце,
На светлый подвиг толкая "слизней".
Под белым снегом пшеница прела,
Кричали дети, съезжая с горки.
Цвели кроваво кнуты для порки:
«Отдай нам, Маша, сыновье тело!»
Ревела Маша, роняя мирру,
Несла маслины святым пророкам...

Сидели трое к народу Богом.
Быть может, все явившись миру?

Бесхордность

Шатёр Якуба пришёл в негодность,
Порвались крылья соседской дочки,
Альберт Михеев косил от срочки,
Являя миру свою бесхордность.
Коптило солнце кастрюлю с супом,
Любовь кармилась из рук разлуки...
Отняли крылья, пришили руки,
Пустив на нитки шатёр с Якубом.
Продав цыганам гнилые крылья,
Сосед записался и стал медведем,
В сердцах мочился на дверь соседям,
Кричал, что сказка сбежала с былью.
К зиме иссякнув, уснул в прихожей
И в этой жизни не рыскал боле.
Альберт Михеев ушёл в подполье,
Вернулся Алей, служить негожей.
Над нами въехал апостол Фёдор,
Речами - тихий, глазами - жадный.
Соседской дочке зашили жабры,
А с ними душу промежду бёдер.
К восьмому марта пришли цыгане,
Играли в нервы, просили «штонить».
Апостол Фёдор раздал им совесть,
На всё истратив пять бурь в стакане.
Остаток рифмы разбавил грубо,
Где Алькин старший - в горячей точке.
И хвост поправил соседской дочке,
Соткавшей за ночь шатёр Якубу.

Любовь

Мурманский кот в подлунии небесном
Тащил кривую згу, рисуя синус.
Шагали звёзды крестиком: «Веди нас!»
Бросали землю в дырочку над бездной.
Блудил Буше картинно по-французски,
Цвела сирень, сырела и страдала.
Летел Икар подальше от Дедала,
Туда, где спят принцессы-трясогузки.

Ефрейтор Фрейд цитировал Баркова,
Хрипел прибой, к ногам роняя перья,
Входило сердце в рай из безреберья,
Мурлыкал кот молитвы безбогово.
Шаман-якут зомбировал Симбирью,
Крошил имбирь в селёдку, к небу ближе.

Смеялся я, любовью не обижен,
Целуя ночь в губу Большую Пирью.

